

ИНСТИТУТ АМАНАТСТВА В РОССИЙСКО-ЧЕРКЕССКИХ ОТНОШЕНИЯХ 1552–1829 гг.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Озова Фатима Анатольевна,
*кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
РГБУ «Карачаево-Черкесский ордена “Знак Почета” институт гуманитарных исследований
при Правительстве Карачаево-Черкесской Республики», г. Черкесск*

Черкесы – первый народ Кавказа, установивший в середине XVI в. посольские отношения с Московским царством. На протяжении почти 270 лет важнейшим механизмом двусторонних связей было дипломатическое заложничество-аманатство. Несмотря на определенную традицию изучения темы, в ее исследовании отсутствует полная системность. Цель настоящей статьи – анализ суждений исследователей по истории института аманатства в российско-черкесских отношениях с момента их возникновения в 1552 и до 1829 г., когда восточная часть Черкесии – Кабарда – юридически вошла в состав Российской империи (1822 г.) и последние аманаты были возвращены домой (1829 г.).

Проблема аманатства в российско-черкесских отношениях вплоть до 1930-х гг. рассматривалась в контексте российско-кавказских связей. Позитивистский подход способствовал тому, что истинная сущность этого явления оказалась скрытой за фактографией двусторонних связей и за стереотипами, возникшими в период Кавказской войны [12, с. 126–136; 13, с. 28; 17, стб. 20; 7, с. 102; 20, с. 193; 33, с. 136. В монографии Л. А. Юзефовича «“Как в посольских обычаях ведется...” Русский посольский обычай конца XV – начала XVII в.» на сегодняшний день наиболее авторитетной по истории дипломатического этикета Московского государства – совсем отрицается бытование этого явления в дипломатических сношениях Московского царства [46, с. 172].

Приоритет в исследовании проблемы аманатства в дореволюционной историографии принадлежит П. Г. Буткову. Именно он впервые опубликовал списки кабардинских аманатов в Кизляре в 1735 г. [3, с. 158, 159, 162, 163] и черкесских [аманатов]-депутатов при ставке князя Г. А. Потемкина [4, с. 207, 257, 258, 260]. Он охарактеризовал аманатство как институт, который российское правительство стремилось с 1760-х гг. целенаправленно использовать для аккультурации кабардинской аристократии [5, с. 105].

Среди работ, анализирующих российско-черкесские отношения, следует выделить труды Ш. Б. Ногмова и В. Н. Кудашева. Ценность труда Ш. Б. Ногмова «История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев» в том, что она показала, что в историческом сознании кабардинцев установление связей между Кабардой и Россией в середине XVI в. имело положительное коннотации. Статус *лицы* Салтануко (в крещ. князя Михаила Террюковича Черкасского) определялся как Урусъкан (*Урьис къан*) – «воспитанник русского» [30, с. 123]. Следовательно, черкесские предания использовали, как некогда византийская внешнеполитическая риторика вместо понятия «дипломатический заложник» понятие «воспитанник» [14, с. 105]. В. Н. Кудашев констатирует трансформацию аманатства в 1739 г. в инструмент «большой» международной политики под влиянием перемещения из сферы «внутренней дипломатии» России в систему отношений с Османской империей [25, с. 57].

Впервые вопрос об аманатах в качестве научной проблемы был поставлен в советский период учеником М. Н. Покровского – Г. А. Кокиевым [2, с. 137]. В 1933 г. на основе предложенной учителем формулы об «абсолют-

ном» и «наименьшем» зле [29, с. 45] он проанализировал историю аманатства в контексте российско-кавказских взаимоотношений. Следует отметить, что Г. А. Кокиеву удалось вычленить важные аспекты проблемы. Он установил, что объектом аманатства была черкесская аристократия и аманаты в XVII–XVIII вв. находились на обеспечении российского правительства в крепостях Терки, Св. Крест, Кизляр, Моздок и Астрахань. Г. А. Кокиев показал, что со временем принцип сменяемости аманатов был превращен в «фикцию» [20, с. 192, 193], так как часто нарушался российской стороной, что институт аманатства через аманатские школы был нацелен на аккультурацию воспитанников [20, с. 194, 195] и превращение их в конечном итоге в агентов влияния в Кабарде. Привлечение сведений второй половины XVI–XVII вв. позволило ему сделать вывод о трансформациях аманатства в XVIII в. Однако нерепрезентативный характер источниковой базы, а также концептуальная заданность скрыли от автора сущность аманатства, оцененную им как метод колониальной политики и заложничество [20, с. 193]. Неслучайно обозначенная ученым периодизация истории этого института на основе критерия добровольности выдачи аманатов [20, с. 192, 193] осталась без хронологических рамок. Он лишь отмечал: «Первая, или начальная стадия аманатства, во времени совпадающая с моментом установления сношений между Россией и Северным Кавказом, характеризуется отсутствием явно выраженных элементов принуждения, тогда как вторая его стадия, во времени совпадающая с началом военно-феодальной колонизации Северного Кавказа, характеризуется насильственным отбиранием аманатов и заложников» [20, с. 193].

После смерти М. Н. Покровского (1932 г.) его взгляды подверглись критике: в постановлении жюри правительственной комиссии от 22 августа 1937 г. были даны новые оценки имперской политики России как «наименьшего зла» [29, с. 45]. В 1940-е гг. Г. А. Кокиев рассматривал проблематику аманатства лишь в связи с установлением посольских отношений между Иваном IV и Иналидами Черкесии. Автор интерпретировал статус пребывания князей Куденета (Кудадека) Сибоко и Султануко Темрюко в Москве как аманатский. Однако при этом он неправомерно расширил круг аманатов, причисляя к ним глав посольств 1552 и 1555 гг. и членов их свиты из рода Иналидов. С другой стороны, он отнес к Иналидам Кабарды Иналидов Западной Черкесии [20, с. 192; 21, с. 35–36]. Ученый подметил, что среди черкесских аманатов никогда не было девочек и что документы убедительно опровергают аманатский статус княжны *Гуацэней* [22, с. 40, 41], ставшей впоследствии русской царицей Марией Темрюковной.

Н. Х. Тхамоков, отдавая дань доминировавшей в его время концепции «прогрессивности присоединения народов к России» [36, с. 7], явно переоценил роль этого института в аккультурации населения Кабарды [41, с. 114]. Эта работа знаменательна больше всего тем, что ее автор ввел в научный оборот новые документы, обнаруживающие влияние аманатства на состояние правящего сословия Кабарды и позволяющие составить психологические портреты аманатов середины XVIII в.

Из трудов, увидевших свет в советский период, особый интерес для изучаемой проблематики представляет монография М. Б. Канделаки «Из общественного быта горцев Грузии – институт аманатства», где рассмотрены гуманитарные аспекты кавказского аманатства [16, с. 5]. Выявленные автором представления об аманатстве в грузинском обществе, механизмах его функционирования, связанных с ним обрядово-ритуальных действиях дают ценный материал для исследования этого института в родственной грузинской черкесской политической культуре и российско-черкесских отношениях.

В постсоветской историографии интерес к истории аманатства заметно возрос. Р. Х. Гугов в контексте изучения кабардино-российских отношений XVIII в. также выделил «обычай» [8, с. 385] аманатства. Автор, естественно, не избежал значительного влияния идей советской историографии. Так, значение аманатства в кабардино-российских отношениях рассматривалось им как «развитие культурных связей» [8, с. 386] Кабарды с Россией. Тем не менее, достаточно широкая источниковая база позволила ему понять амбивалентность природы этого института [8, с. 385]. Этот подход позволил оценить статус черкесских князей при дворе Ивана Грозного и князя Александра Бековича-Черкасского при дворе Петра I как аманатский.

Г. Х. Мамбетов, которому принадлежит заслуга возвращения в публичный доступ научного наследия Г. А. Кокиева [15], развил идеи последнего 1933 г. [27, с. 14].

Е. С. Тютюнина в статье «Аманаты в Кизляре. 1756 г.» справедливо отметила, что институт аманатства «глубоко» [43, с. 190] не изучен. Значительный интерес представляет введенная автором в научный оборот ведомость о содержавшихся в Кизляре в 1756 г. аманатах. На основе ее сведений можно сделать вывод о значительном внимании к этой проблеме российских властей, прежде всего, к вопросу высокого социального статуса отцов аманатов, а также обеспечения аманатам достойного их социального происхождения уровня жизни [43, с. 189, 190]. Этот документ дает возможность идентифицировать фамилии аманатов из *уорков* I степени – Тамбиевых и Ашабовых [43, с. 191].

В другой статье Е. С. Тютюниной «Кавказские пленники: по обе стороны Линии (1820–1822 гг.)» впервые указано на влияние указа Александра I «О распределении пленных Горских народов, аманатов и Кабардинских беев и узденей» [34, с. 389–390] от 13 июля 1820 г. на дальнейшее функционирование института аманатства в российско-кавказских связях [42, с. 68].

Из работ последних десятилетий следует выделить историко-правовой анализ нормативной базы кавказской политики Российской империи в XVIII–XIX вв. А. Н. Маремкулова [38, с. 31]. Благодаря анализу широкого круга документов ему удалось выделить «технологическую» сущность исследуемого института и прийти к выводу, что аманатство было «одним из самых распространенных мирных способов» [38, с. 242] проведения российской политики на Кавказе.

И. В. Торопицын на основе сопоставительного анализа аманатства в отношениях российского двора с калмыцкой, ногайской, казахской, башкирской, кабардинской элитами называет их аманатов *политическими* заложниками.

При этом отмечая, что «аманаты воспринимались не просто как заложники, а в большей степени как полномочные представители инородной феодальной аристократии» [38, с. 59], что обязывало российские власти оказывать им особые знаки внимания.

Автор ввел в научный оборот документы Государственного архива Астраханской области, раскрывающие новые детали пребывания кабардинских аманатов в Астрахани в 1740-е гг. [38, с. 75], а также дипломатические документы, связанные с кабардинским посольством в Петербург 1745–1746 гг. [39]. И. В. Торопыцын передал атмосферу беспокойства, имевшую место среди князей Джамбулатовых в связи с удалением их аманатов из Кизляра в Астрахань. С другой стороны, он показал «игру» вокруг вопроса об аманатах астраханского губернатора В. Н. Татищева, пытавшегося в полной мере использовать в политических целях привязанность князя Асланбека (Росланбека) Кайтуко к находившемуся в аманатах сыну. Важен вывод автора о неэффективности, устанавливаемой институтом аманатства зависимости: северокавказские владельцы воспринимали ее «скорее как формальный, чем реальный механизм удержания их в повиновении» [38, с. 75, 76].

Важным аспектом изучения истории российско-черкесских связей является исследование жизни и деятельности князей Черкасских, находившихся с Рюриковичами и Романовыми в отношениях свойства и родства в рамках истории государева двора, который во второй половине XVI – начале XVIII в., являлся особым административным, военным и придворным институтом Русского государства, осуществлявшим государственное управление страной. Благодаря изысканиям в этом направлении, фокусирующим внимание на «персоналиях» – анализе карьер, семейных связей землевладения представителей двора» [32, с. 4], выявлен статус аманатов и сопровождавших их лиц при московском дворе, а также их деятельность после приезда в Москву [35, с. 241–243, 309, 319, 320, 326].

Большое значение для разработки проблемы аманатства имеют исследования биографий князей Черкасских [18; 46; 9; 10], в том числе и аманатов: князя Якова Куденетовича Черкасского [37, с. 116–119], князя Исмаила Атажукина [24, с. 43–68; 40; 26, с. 5–37; 11, с. 72–102] и князя Александра Бековича-Черкасского [19; 32, с. 235–298; 6; 1]. Здесь следует отметить, что благодаря изысканиям А. А. Андреева наконец выявлена точная дата отъезда князя Александра Бековича-Черкасского в Москву (1697 г.).

История аманатства в российско-черкесских отношениях нашла некоторое отражение в трудах, посвященных процессу формирования Российской империи. Большое внимание ему уделил Б. Э. Нольде в книге «История формирования Российской империи». Находившийся в эмиграции ученый, несмотря на ограниченный круг источников, увидел значимость этого института для поддержания двусторонних связей на протяжении веков [31, с. 704]. Б. Э. Нольде объяснил противоречивость сосуществования одновременно союзничества и аманатства [31, с. 731] недоверием Москвы к своим союзникам в Кабарде [31, с. 704] и считал, что аманатство «было скорее здешней древней традицией, символическим актом, означавшим их мирный настрой» [31, с. 704], в то же время указал и на другие противоречия в российской политике на Кавказе. Несмотря на «мирный настрой», правительство императрицы Анны Иоанновны строило планы по подчинению «Кабардинии» [31, с. 731], и уже в период Кавказской войны, когда началась территориальная экспансия, кабардинские аманаты продолжали содержаться «в хороших условиях в Кизляре и даже получали жалованье» [31, с. 739].

Американский историк М. Ходарковский в монографии «Степная граница России: создание колониальной империи» обратил внимание на значение для российской политики аманатства [47, р. 56–60]. Трансформацию этого института М. Ходарковский связал с изменениями природы российской государственности в петровский период [47, р. 53]. Он показал, что аманатство воспринималось сторонами не одинаково [47, р. 58]. Очевидно, что ограниченность источниковой базы не позволила автору рассмотреть амбивалентный характер этого института и адекватно оценить контекст его существования в разные эпохи (Московского царства и Российской империи). М. Ходарковский рассматривал аманатов исключительно как заложников: дипломатические дары автохтонным правителям со стороны российского двора интерпретируются им как плата за клятву верности и заложников [47, р. 58]. В другом исследовании автор оценил аманатство как один из инструментов интеграции народов Северного Кавказа в Российскую империю [44, с. 37, 38, 202].

Несмотря на определенные успехи в исследовании истории института аманатства в российско-черкесских отношениях, можно сказать, что главной чертой рассмотренных работ является отсутствие полной системности в части привлечения исторических источников: в них недостаёт важнейших видов письменных источников, прежде всего, актовых и законодательных, объем делопроизводственной документации недостаточен для теоретических выводов. На наш взгляд именно это обстоятельство не позволило чётко сформулировать вывод о дипломатической сущности этого института и его связи с принятой в рассматриваемые эпохи дипломатической практикой.

Список источников и литературы

1. Андреев А. А. К вопросу о раннем периоде биографии Александра Бековича-Черкасского // Археология и этнология Северного Кавказа. Нальчик: КБИГИ, 2013. Вып. 2. С. 132–138.
2. Анчабадзе Ю. Д., Е. Н. Кушева и русское кавказоведение XX столетия // Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI–XVII в. / сост. Е. Н. Кушевой. М.: Вост. лит. РАН, 1997. С. 396–416.
3. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год: в 3 ч. СПб: Императорская академия наук, 1869. Ч. 1. 548 с.
4. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год: в 3 ч. СПб: Императорская академия наук, 1869. Ч. 2. 602 с.
5. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год: в 3 ч. СПб: Императорская академия наук, 1869. Ч. 3. Хронологический и алфавитный указатели / сост. Л. Броссе. 621 с.
6. Вилинбахов В. Б. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик: Эльбрус, 1977. 231 с.

7. Грабовский Н. Ф. Присоединение Кабарды к России и ее борьба за независимость. Нальчик: Респ. полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2008. 464 с.
8. Гугов Р. Х. Кабарда и Балкария в XVIII в. и их взаимоотношения с Россией. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 684 с.
9. Дзамихов К. Ф. Адыги в политике России на Кавказе (1550-е – начало 1770-х годов). Нальчик: Эль-Фа, 2001. 412 с.
10. Дзамихов К. Ф. «В службе и обороне...». Кабарда и Российское государство: эпоха военно-политического сотрудничества (1550-е – начало 1770-х годов). Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 356 с.
11. Дзамихов К. Ф. Материалы к наследию и общественно-политической деятельности Измаила Атажукина. (Новые разыскания) // Адыги: вехи истории. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 72–102.
12. Известия о браках царя Иоанна Васильевича // Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы: в 10 ч. / сост. Н. Я. Озерцовский. СПб: Изданием Имп. академии наук, 1790. Ч. 4. С. 126–136.
13. Историографические записки о странах, лежащих между морями Черным и Каспийским, содержащие новейшие подробные описания живущих в оных народов, и достопамятности древнего и нынешнего тех земель местопосания. С приобщением географич. карт / пер. с фр. Ф. Шишкевича. СПб.: Тип. Шнора, 1810. 121 с.
14. История дипломатии: в 5 т. / под ред. В. А. Зорина, В. С. Семенова, С. Д. Сказкина, В. М. Хвостова. 2-е изд., перераб., доп. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 1. 890 с.
15. История Кабардино-Балкарии в трудах Г. А. Кокиева / сост. Г. Х. Мамбетов. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 904 с.
16. Кандаваки М. Б. Из общественного быта горцев Грузии – институт аманатства. Тбилиси: Мецниереба, 1987. 139 с.
17. Карамзин Н. М. История государства Российского: репринт. воспроизведение издания пятого, выпущенного в трех книгах с приложением «Ключа» П. М. Строева. М.: Книга, 1989. Кн. 2, т. 8. 188 стб.; Кн. 3, т. 9. 280 стб.
18. Карданов Ч. Э. Путь к России. Кабардинские князья в истории отношений Кабарды с Российским государством в XVI – начале XIX века. Нальчик: Эльбрус, 2001. 431 с.
19. Княжецкая Е. А. Судьба одной карты. М.: Мысль, 1964. 120 с.
20. Кокиев Г. А. Методы колониальной политики царской России на Северном Кавказе в XVIII в. // Известия Юго-Осетинского НИИ Краеведения. Сталинир, 1933. Вып. 1. С. 179–225.
21. Кокиев Г. А. Краткий исторический очерк Кабарды // Из «Кабардинской АССР». Нальчик: Кабардинское книж. изд-во, 1946. С. 18–89.
22. Кокиев Г. А. Русско-кабардинские отношения в XVI в. // Ученые записки КНИИ. Нальчик: Кабардинское книж. изд-во, 1948. Т. 4. С. 24–64.
23. Корзинин А. Л. Государев двор Русского государства в доопричный период (1550–1565 гг.). М. – СПб: Альянс-Архео, 2016. 672 с.
24. Косвен М. О. Кабардинский патриот Измаил Атажуков // Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института литературы и истории. Майкоп, 1957. Т. 1. С. 43–68.
25. Кудашев В. Н. Исторические сведения о кабардинском народе. К 300-летию дома Романовых: репринтное воспроизведение издания 1913. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 1990. 283 с.
26. Кумыков Т. Х. Общественно-политические взгляды Измаил-бея // Вопросы истории и историографии Северного Кавказа (дореволуционный период). Нальчик: КБГУ, 1989. С. 5–37.
27. Мамбетов Г. Х. Институт аманатства и его роль в распространении и изучении русского языка на Северном Кавказе // Вестник КБГУ. Сер. Гуманитарные науки. Нальчик: Каб-Балк. ун-т, 2003. Вып. 8. С. 13–16.
28. Маремкулов А. Н. Юридические формы политики российской империи на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв.: историко-правовой аспект. Ростов на/Д.: Северо-Кавказская акад. гос. службы, 2005. 316 с.
29. Нечкина М. В. К вопросу о формуле «наименьшее зло» // Вопросы истории. 1951. № 4. С. 44–48.
30. Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев / сост. Т. Х. Кумыков. Нальчик: Эльбрус, 1994. 232 с.
31. Нольде Б. Э. История формирования Российской империи / пер. с фр. Л. Ф. Сахибгареевой; отв. ред. В. А. Тишков. СПб: Дмитрий Буланин, 2013. 848 с.
32. Опришко О. Л. По тропам истории. Нальчик: Эльбрус, 2007. 672 с.
33. Очерки истории Адыгеи / отв. ред. С. К. Бушуев. Майкоп: Адыгейское кн. изд-во, 1957. 483 с.
34. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 37. 1820–1821 гг. 983 с.
35. Правящая элита Русского государства IX–начала XVIII в.: Очерки истории / отв. ред. А. П. Павлов. СПб: Дмитрий Буланин, 2006. 548 с.
36. Российское многонациональное государство: формирование и пути исторического развития // История и историки. Материалы «круглого стола», состоявшегося 20–24 ноября 1989 г. в г. Звенигороде. М.: Наука, 1995. С. 6–167.
37. Румянцева В. С. Яков Куденетович Черкасский – ближний боярин царя Алексея Михайловича // Народы Северного Кавказа и Россия. Нальчик: Эль-Фа, 2007. С. 116–119.
38. Торопицын И. В. Участие В. Н. Татищева в сношениях России с Кабардой в середине 40-х гг. XVIII в. // Сборник РИО. М.: Русская панорама, 2002. Т. 5 (153). С. 167–186. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1740-1760/Tatisev/beseda_adzi_muchammed_04_05_1745.htm (Дата обращения: 15.04.2019).
39. Торопицын И. В. Институт аманатства во внутренней и внешней политике России в XVII–XVIII вв. // Кавказский сборник. М.: Русская панорама, 2007. Т. 4 (36). С. 59–80.
40. Туганов Р. У. Измаил-бей: исторический очерк о герое одноименной поэмы М. Ю. Лермонтова. Нальчик: Эльбрус, 1972. 175 с.
41. Тхамоков Н. Х. К вопросу о роли системы аманатства в развитии русско-кабардинских связей в XVIII в. // Ученые записки КБГУ. Сер. Историко-филологическая. Нальчик, 1971. Вып. 43. С. 108–116.
42. Тютюнина Е. С. Кавказские пленники: по обе стороны Линии (1820–1822) // Вопросы южно-российской истории. М. – Армавир: [б. и.], 2006. Вып. 12. С. 66–73.
43. Тютюнина Е. С. Аманаты в Кизляре, 1756 г. // Генеалогия Северного Кавказа. М. – Нальчик, 2007. № 18. С. 189–196.
44. Ходарковский М. Горький выбор: верность и предательство в эпоху российского завоевания Северного Кавказа / пер. с англ. А. Терещенко. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.